

О. С. Поршнева, И. В. Даренская
**ПРОТЕСТНЫЕ АКЦИИ И НАСТРОЕНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
 УРАЛА В ПЕРИОД «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА» (1928–1932 гг.)***

УДК 94 (470.5) "1928/1932"

ББК 63.3 (235.55) 614

Авторы рассматривают протестные настроения и акции городского населения Урала как формы взаимодействия власти и общества в условиях резкого изменения курса правительственной политики на рубеже 1920-х–1930-х гг. На основе анализа историографической ситуации показана целесообразность изучения темы на региональном материале Уральской области, ее осмысления в фокусе проблемных полей современной историографии. Основным корпусом источников стали информационно-аналитические материалы органов ОГПУ, информационных отделов окружных и областных комитетов ВКП(б), РКИ, стенограммы, отчеты, докладные записки общественных организаций, документы личного происхождения, материалы периодической печати, обладающие значительным информационным потенциалом. В статье показано, что формы протестных настроений и поведения были разнообразны и включали как легальные обращения в органы власти, так и нелегальные акции: распространение листовок, анонимных писем, частушек, слухов, «антисоветские разговоры», кустарное производство антисоветской литературы. Рассмотрена роль представлений о предательстве идеалов Революции, «дела Ленина», об утверждении новой несправедливости и эксплуатации, о недостойном облике местных властных функционеров, прежде всего коммунистов, и др. Показано, что в мотивах протеста проявилось разочарование части населения в результатах и методах преобразований, проводимых советской властью, актуализированное в условиях резкого обострения социально-экономической ситуации и социальной напряженности на рубеже 1920-х–1930-х гг. На основе изученных материалов делается вывод о сравнительно невысокой эффективности властных механизмов социального инжиниринга и «управления умонастроениями», действовавших в 1917–1932 гг. Несмотря на маргинальность активного протеста, его наличие и многообразие форм проявлений свидетельствуют о внутренней противоречивости и напряженности социально-политических процессов развития раннесоветского общества.

Ключевые слова: *раннесоветское общество, «великий перелом», Уральская область, городское население, протестные акции, протестные настроения*

Постановка проблемы

В фокусе внимания современной историографии раннесоветского общества находится проблема взаимоотношений власти и общества, в частности такой ее аспект, как политические настроения населения. Она исследуется историками с позиций разных методологических подходов, с привлечением разнообразных

источников, в том числе личного происхождения, в частности такого внушительного документального массива, как «письма во власть».¹ Спорными вопросами историографии, ставшими предметом острой полемики, являются степень поддержки населением курса, проводимого властью, и уровень контроля государства над общественными настроениями.² Так, И. В. Павлова на

Поршнева Ольга Сергеевна — д.и.н., профессор, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
 E-mail: porshneva@yandex.ru

Даренская Ирина Викторовна — к.и.н., доцент, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Нижний Тагил)
 E-mail: ivilnych@mail.ru

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16–18–10106) «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования» (рук. Л. Н. Мазур)

¹ См.: Siegelbaum L., Sokolov A. Stalinism as a Way of Life. New Haven; London, 2000; Лившин А., Орлов И. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002; Fitzpatrick Sh. Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth Century Russia. Princeton; Oxford, 2005; Лившин А. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг. М., 2010; Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х — 1930-е гг.) / Н. Б. Арнаутов, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов, Д. Д. Миненков, Л. И. Пыстина, Л. И. Сосковец, А. Г. Тепляков, Н. Д. Троценко, С. Н. Ушакова, О. В. Шер. Новосибирск, 2013.

² См.: Советское прошлое: поиски понимания. Крутлый стол // Отечественная история. 2000. № 5. С. 85–104; Siegelbaum L., Sokolov A. Op. cit. P. 3, 4; Хлевнюк О. Сталин у власти. Приоритеты и результаты политики диктатуры // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы междунар. науч. конф. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 62–66; Красильников С. А. Сталинская модель социальной мобилизации в современной исторической литературе // Социальная мобилизация в сталинском обществе... С. 34–37.

основе теории тоталитаризма доказывает, что сталинская власть была «всеохватывающей» и «всепроникающей», что позволило ей установить полный контроль над обществом.³ С другой стороны, отечественные и зарубежные сторонники социальной истории показывают более сложную картину взаимоотношений власти и общества, в которых общество было отнюдь не пассивным объектом, а власть, преследовавшая задачи социального инжиниринга, сталкивалась с целым рядом трудностей в процессе его реализации.⁴ Е. А. Осокина, исследовавшая повседневное «экономическое поведение» советских граждан, отмечает: «Документы, которые, наконец-то, увидели свет, свидетельствовали о том, что тотальный государственный контроль и бездействующее, равно как и единодушное в своей поддержке режима, общество оказались мифами. Общество при Сталине жило активной, разнообразной и относительно независимой жизнью».⁵ А. Лившин в монографии, посвященной изучению общественных настроений и политических эмоций в Советской России в 1917–1932 гг. на основе «писем во власть» и других источников, заключает: «В целом, несмотря на все сложности и трагические явления развития страны в 1917–1932 гг., можно сделать вывод, что государство далеко не полностью контролировало общественные настроения, а тотальная манипулируемость масс в послереволюционную эпоху является мифом».⁶ О. В. Хлевнюк, внесший весомый вклад в изучение эпохи сталинизма, механизмов функционирования власти в СССР в 1930-е гг., справедливо обращает внимание на недопустимость переоценки степени общественной поддержки сталинского режима.⁷

Наличие полярных точек зрения и острых дискуссий по проблеме социальной поддержки сталинского режима, механизмов осуществления им власти заставляет вновь обратиться к источникам, характеризующим формы реакций населения на политику власти. Речь идет об опубликованных и архивных материалах, рассматриваемых в контексте проблемы взаимодействия власти и общества. Особенно важ-

но изучить эту тему применительно к переломному периоду в развитии раннесоветского общества — к «революции сверху» 1928–1932 гг., к эпохе первой пятилетки, форсированной индустриализации и коллективизации, когда происходил слом нэпа и переход к качественно иной, командно-административной, модели развития. Начало первой пятилетки в 1928 г. ознаменовалось свертыванием нэпа, применением масштабных чрезвычайных, насильственных мер в условиях кризиса хлеба-заготовок, а ее завершение в 1932 г. — необратимостью качественных изменений в социально-экономическом и политическом развитии страны. Значимость этого периода как «второй революции» или второй стадии большевистской революции, начавшейся в 1917 г., подчеркивается отечественными и зарубежными исследователями. Так, Ш. Фитцпатрик и А. Людтке по этому поводу пишут: «Большевистская революция прошла две стадии. Первая была связана с захватом власти в 1917 г., вторая — с экономической революцией сверху в конце 1920-х гг., которая включала ускоренную индустриализацию, объявление вне закона городского частного сектора и коллективизацию сельского хозяйства».⁸

Какие отклики «революция сверху» вызвала среди населения, и были ли реакции на нее в форме протестных акций? Эта фундаментальная тема может быть исследована на основании документов региональных архивов, в частности относящихся к Уральской области, существовавшей с ноября 1923 г. по январь 1934 г. Только тщательное изучение региональных материалов позволит воссоздать картину общественных настроений во всей ее полноте и многообразии, уточнить и конкретизировать обобщения общестранового характера.

Необходимость изучения протестных настроений уральцев в период «революции сверху» определяется как наличием серьезных претензий общества и власти друг к другу в этот период, неоднозначностью реакции населения на происходившие перемены, так и важностью выявления мотивов недовольства людей проводившейся политикой и форм их проявления.

Основным корпусом источников стали информационно-аналитические материалы органов ОГПУ, информационных отделов

³ См.: Павлова И. В. Механизм политической власти в СССР в 1920–1930-е годы // *Вопр. истории.* 1998. № 11/12. С. 49–66.

⁴ См.: Siegelbaum L., Sokolov A. *Op. cit.* P. 3; Fitzpatrick Sh. *Op. cit.* P. 3–24.

⁵ Осокина Е. А. О социальном иммунитете, или критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // *История сталинизма...* С. 391.

⁶ Лившин А. *Указ. соч.* С. 308.

⁷ См.: Хлевнюк О. *Указ. соч.* С. 66.

⁸ Fitzpatrick Sh., Ludtke A. *Energizing the Everyday: On the Breaking and Making of Social Bonds in Nazism and Stalinism* // Geyer M., Fitzpatrick Sh. *Beyond Totalitarianism / Stalinism and Nazism Compared.* Cambridge, 2009. P. 269.

окружных и областных комитетов ВКП(б), рабоче-крестьянских инспекций (РКИ). Предназначенные для «внутреннего», ведомственного, употребления, эти документы (копии листовок, материалов личного происхождения и др.) содержат достаточно откровенные характеристики общественных настроений, что и делает их весьма репрезентативными с точки зрения задач исследования.

Другой группой источников стали протоколы и стенограммы собраний партийных, профсоюзных и других общественных организаций, содержащие тексты выступлений докладчиков, комментарии и реплики участников, выступавших в прениях. Помимо выражений лояльности, доверия к властным институтам, в них содержатся критические суждения, в которых отражаются реальные проблемы преобразований и восприятие событий социально и политически активной частью населения.

Для анализа темы использовались и данные периодической печати, содержащие целый комплекс разнообразных по жанровой принадлежности ценных материалов, в частности фельетоны, публицистические очерки, сатирические зарисовки, стихи, «бичующие» политическую «несознательность» и пассивность граждан, высвечивая тем самым бытование альтернативных/ненормативных моделей политического поведения, реальные ситуации политической повседневности, проблемы функционирования властных институтов на низовом уровне. Нами были привлечены и источники личного происхождения и материалы «низового дискурса», преимущественно «письма во власть» и другие эпистолярные документы, носившие в основном анонимный характер, а также сатирические произведения фольклора, в частности частушки, песни, стихи. В документах звучат «живые голоса» прошлого, непосредственные отклики современников на события эпохи «великого перелома». Как и в любом исследовании, источники анализировались с точки зрения поставленных в работе целей и задач.

Результаты исследования

Население, желавшее быть услышанным властью, избирало в качестве конкретных тактик поведения как легальные формы диалога с властью («письма во власть», обращения в Бюро жалоб, заявления в РКИ при Советах рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов), так и альтернативные способы, трактуе-

мые властями как «антисоветские» (рассылка листовок, анонимок, «распускание» слухов, спонтанно организуемые митинги).

Всего за 1928 г. в Уральской области было зарегистрировано 146 листовок, воззваний, анонимок и прочих произведений «кустарной антисоветской литературы» (в их число не входили листовки политического характера, распространявшиеся по инициативе «центральной» оппозиции). При этом уполномоченные представители ОГПУ отмечали существенный рост протестных акций. Так, только за январь-февраль 1929 г. было зарегистрировано 43 анонимных листовки, из которых 10 были связаны с «борьбой вокруг перевыборов в Советы».⁹

В ноябре 1929 г. в Нижнем Тагиле в книге, взятой у Александра Петровича Федоровского, была обнаружена отпечатанная листовка,¹⁰ сопоставление содержания которой с аналогичными анонимными письмами, присланными в Тагильскую окружную контрольную комиссию, а также с информационными сводками региональных структур ВКП(б) и ОГПУ позволяет выделить основные оценочные суждения в негативных высказываниях населения по поводу действий центральных и местных органов власти. Тактика местных властей в ходе реализации курса форсированной индустриализации и коллективизации трактовалась в них как произвол, насилие, бесконтрольность, а также «извращение с трибун» традиций и идеалов революционной эпохи. Насильственные масштабные изменения рубежа 1920–1930-х гг. в их реальном воплощении на местах воспринимались в народном сознании как «смута», не контролируемая правительством.

В ситуации высокой социальной напряженности те жители городов и заводских поселков, которые не желали идти на компромисс с властью, переходили постепенно от «мирных» тактик выражения протеста к призыву к «решительным действиям», понимая под ними радикальные способы изменения политического режима. Так, в письме информационного отдела

⁹ Информационная сводка за 1928 г. заместителя полномочного представителя ОГПУ по Уралу Нодева председателю Уральского областного комитета ВКП(б) И. Д. Кабакову об антисоветских настроениях в Уральской области // Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Документы и материалы (Пермская, Свердловская и Челябинская области): в 6 т. Екатеринбург, 2005. Т. 1: Свердловская область. Документы и материалы. 1917–1941. С. 467–476.

¹⁰ НТГИА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 811. Л. 283.

Пермского отдела ОГПУ по Уралу ответственному секретарю ОК ВКП(б) Семерикову сообщалось, что 7 февраля 1930 г. в Нязе-Петровском заводе на изгороди рабочего Слесарева была обнаружена листовка следующего содержания: «Граждане, за что вы боролись, проливали кровь, а сами остались в нищете. Кто работал, у него отбирают, ссылают его, могут и расстрелять. Надо восстать».¹¹ Помощник начальника информационного отдела Шнорэ также сообщал в Пермский обком ВКП(б), что аналогичные по содержанию листовки в этот день были обнаружены в почтовом ящике в здании почты и на полу в здании кредитного союза.¹² В информационном письме Свердловского окротдела ОГПУ об анонимках на Карабашевском медеплавильном комбинате от 26 июня 1930 г. приводится текст послания, адресованного «ряду лиц партколлектива»: «Товарищи!.. Сталин своим неумелым руководством погубил Китайскую революцию, довел нашу страну до нищеты и разорения, восстановил против рабочего класса основные массы крестьянства, заткнул партии рот и завязал глаза, подорвал авторитет Коминтерна в глазах мирового пролетариата». Заканчивалась анонимка следующим призывом:

Братья-товарищи, пусть будет вспенена
Гневом партийная гладь,
Ленина партия, партия Ленина
Долго не будет молчать.¹³

Обвинение Сталина и высшего партийно-го и советского руководства в создании кризисного положения в стране было характерно лишь для незначительной части населения, имеющей достаточно высокий уровень политической культуры и правосознания, опыт дореволюционной политической борьбы. Основная же часть населения городов и заводских поселков, вчерашние крестьяне, сохранявшие элементы традиционного мировоззрения, идеализировали верховную власть, наделяли революционных вождей харизматическими чертами. Виновниками же сложившегося социально-экономического положения они считали рядовых коммунистов, руководителей партийного аппарата низшего звена, которых и власть стремилась превратить в своего рода «стрелочников» в попытке наладить диалог с населением.

Политические мотивы недовольства, угрозы физической расправы над коммунистами отмечены в ряде информационных писем ОГПУ и докладных писем обкома ВКП(б).¹⁴ В информационной сводке Уральского областного комитета ВКП(б) № 11 (180) от 28 августа 1928 г. говорится о том, что группа рабочих одного из уральских заводов угрожала «проломить всем коммунистам голову», «начать бузить», «рожи им бить», прибегнуть к решительным мерам, возможно и к восстанию.¹⁵ Аналогичные сведения содержались в информационной сводке за 1928 г. заместителя полномочного представителя ОГПУ по Уралу Нодева председателю областного комитета ВКП(б) И. Д. Кабакову об антисоветских настроениях в Уральской области.¹⁶ В политсводке № 1 информационного отдела Уральского областного комитета ВКП(б) за 28 февраля 1928 г., в которой анализировались причины недовольства рабочих на 28 предприятиях региона, в качестве примера распространения негативного отношения населения к коммунистам приводился текст листовки: «Товарищи! Коммунисты хотят нас террором заставить молчать. Они не дают нам жить. Россия на краю гибели. Спасайте родину. Будьте на страже, не позволяйте дурить себя пошлыми идеями, не позволяйте грабить себя. Долой кровососов коммунистов. Долой провокаторов коммунистов. Да здравствует свободная Россия».¹⁷

Создавая обобщенный негативный образ коммунистов как некоей силы, препятствовавшей «нормальному» развитию страны, авторы анонимных посланий на протяжении всего периода первой пятилетки активно призывали к новой революции. В Надеждинске 6 марта 1931 г. через почтово-телеграфную контору на имя секретаря Надеждинского районного комитета ВКП(б) пришло анонимное письмо следующего содержания: «Товарищи коммунисты, почему рабочих морите с голоду, ни хлеба, ни денег не даете, это не власть Советов, а новое крепостное право. Вот что посмотрите, придет лето, тогда даешь вторую Революцию».¹⁸

Негативное восприятие политики правительства проявляется и в письмах на имя руководителей различного ранга. Авторы заявлений, не считая себя противниками системы,

¹¹ Общество и власть. Российская провинция... С. 494.

¹² ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1893а. Л. 41.

¹³ Там же. Л. 128, 129.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 5469. Оп. 12. Д. 203. Л. 30–32; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 70; ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 24. Л. 33.

¹⁵ Там же; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 311. Л. 13, 15, 62, 119.

¹⁶ См.: Общество и власть. Российская провинция... С. 467–476.

¹⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 70. Л. 64.

¹⁸ Там же. Оп. 9. Д. 217. Л. 34–38.

желали донести до властей собственное в дение положения в стране. Помимо использования доверительного стиля, характерного для эпистолярной культуры обращений во власть в постреволюционную эпоху, они прибегали к угрозам, заявляя, например, что в «противном случае будут играть в дудку наших врагов».¹⁹ «Непартийный» автор письма на имя секретаря Пермского окружного комитета ВКП(б) обвинял власть в подавлении свобод. Он писал: «Хоть вы завязали рот обывателю, но истины не скроешь, если нельзя протестовать активно, то начинаешь сопротивляться пассивно».²⁰ Призывы к сопротивлению, к началу забастовок являлись реакцией части населения, «обиженной» властью.²¹ В основном это были политические и социальные аутсайдеры победившего режима, люди, разочаровавшиеся в результатах социалистического переворота, не способные найти место в новой общественной системе, романтики революции, не согласившиеся с новой социальной иерархией.²² Кроме того, большую роль в распространении протестных настроений среди рабочих, в забастовочном движении на предприятиях играли реальные экономические проблемы и трудности: задержка заработной платы, повышение норм выработки, снижение расценок, плохие жилищные условия. Однако политические сводки партийных органов и ОГПУ свидетельствуют, в целом, о лояльном отношении рабочих к советской власти.²³ При этом большинство индивидуальных негативных мнений высказывалось от имени народа. Так, один из авторов пишет: «не надо забывать, что романовское царство существовало 300 лет, ВКП(б) только 10, если народ захочет, заставит смотреть партийные дела».²⁴ Это и подобные ему высказывания наглядно показывают бытование в массовом сознании сформировавшейся мифологии революционного народа/трудящихся классов как источника высшей политической легитимности.

На рубеже 1920-х и 1930-х гг. документы фиксируют яркие проявления негативного отношения не только к отдельным коммунистам, но и ко всем представителям партийных и комсомольских организаций. Подобные на-

строения неприятия коммунистов в целом в разных социальных слоях проявлялись и ранее, были направлены, в частности, против определенных категорий коммунистов, например ленинского набора, которых рабочие подозревали в корыстных мотивах вступления в партию.²⁵ В годы «великого перелома» антикоммунистические настроения получили новый импульс. Приведем конкретную ситуацию. Конфликт, возникший в Пермском техникуме после выступления против парторга Константина Неволлина (его обвиняли в том, что он «бумажный коммунист, в партии состоит из личных интересов»), во время проведения факельного шествия накануне Первомайских праздников перерос в «антисоветский инцидент». Студент Опарин, поступивший в техникум в 30-летнем возрасте, т. е. со сформировавшимися уже взглядами, распевал частушку: «Винтовочка бей, бей, таких, как Костя, не жалея». Это быстро нашло отклик у части оппозиционно настроенных студентов, которые в завершение шествия декларировали эту частушку в ином контексте: «Винтовочка бей, бей, всех коммунистов не жалея».²⁶

Отрицательные эмоции вызывали у населения методы политической агитации партийных работников. Люди говорили: «Все коммунисты — шантрапа, они только болтают, а толку от них никакого»;²⁷ «Ишь, соловьи пришли — распевают».²⁸ А рабочий Надеждинского завода Соловьев отмечал: «Ведь коммунисты всегда делают так: сначала заманят, как собак, масляным блином, а потом покажут фигу».²⁹

Среди части населения популярностью пользовались оппозиционеры. Их идеологическое сопротивление воспринималось людьми, несогласными с официальным курсом, как одна из форм протеста, направленная на изменение проводимой политики. Дударев, рабочий Чусовского завода, во время разговоров в обеденный перерыв рассуждал: «Почему Бухарин и Зиновьев вышли из партии? По-моему, они видят, что партия пошла неправильно, не по ленинскому пути, а в настоящее время не выполняется ни одного завета... все видные работники пошли в сторону, один Сталин остался, но и он скоро присоединится к ним, а потом и Ворошилов».³⁰

¹⁹ ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 18. Л. 1120б.

²⁰ Там же. Оп. 6. Д. 14. Л. 18.

²¹ НТГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 811. Л. 371; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 241. Л. 80; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 311. Л. 2, 5, 15, 62.

²² См.: Шабалин В. В. Пейзаж после битвы: из истории левой оппозиции на Урале. Пермь, 2003. С. 3.

²³ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 70. Л. 27–29; Оп. 8. Д. 102. Л. 123–124.

²⁴ Там же. Ф. 483. Оп. 8. Д. 118. Л. 104.

²⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 2. Д. 61. Л. 3, 7, 16.

²⁶ ГАПК. Ф. Р-130. Оп. 1. Д. 155.

²⁷ НТГИА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 811. Л. 249.

²⁸ ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 77. Л. 41.

²⁹ НТГИА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 811. Л. 240.

³⁰ ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 18. Л. 120.

Истомин, член ячейки Шпагинских мастерских в Перми, комментировал действия правой оппозиции: «Быть может, правильно Бухарин против полного темпа индустриализации, быть может, его заставляет то, что у нас всего не хватает. Бухарин и Томский — люди все же большие. Может быть, мы настроим много заводов, а сырья не хватает, и поэтому не надо строить».³¹

Пропагандируя миф о светлом будущем, власть часто наталкивалась на пессимистическое отношение рядового населения к перспективам развития страны, что было обусловлено представлением о том, что «русский народ еще не созрел, и он далеко стоит от коммунизма, и, несмотря на 10 лет, революционная масса еще темна».³² Дорофеев, беспартийный рабочий 40 лет с 5-летним производственным стажем, сожалел: «В 1919–1920 гг. коммунисты нам говорили, что если протянем 10 лет, то рабочие будут жить очень хорошо. Они угодили пальцем в небо, советская власть довела нас до голода³³, видимо, доведет до худшего».³⁴

Другим важным фактором, препятствовавшим эффективной пропаганде «светлого будущего» и принятию современной политики властей, являлось сохранение в исторической памяти положительных воспоминаний о прошлом. Сравнение советской и дореволюционной действительности вызывало, особенно среди социальных аутсайдеров нового времени, ностальгические эмоции о царской России. Бывший директор Пашийского завода, снятый с должности и исключенный из партии, говорил: «Докладчики стараются показать только хорошее, чтобы замазать глаза. С рабочего дерут за все, а ему ничего не дают, поэтому ему живется хуже, чем при старом режиме».³⁵ Рабочие, внешне лояльные по отношению к власти, также сравнивали прошлое и настоящее, выбирая оптимальный вариант поведения. Мартеновец Талапаев в беседах с товарищами говорил: «Раньше куда лучше жилось, чем теперь. Хорошо Сталину вырабатывать разные

там условия (6 условий интенсификации производства. — О. П., И. Д.). Кто меня накормит, с тем я и пойду, дадут хлеба белые — буду бить красных».³⁶ Григорий Шистеров и его брат проводили исторические параллели с прошлыми авторитарными и деспотическими режимами: «Мы при царе Николае жили лучше, в настоящее время душат пополам, отбирают все. Коммунисты хуже oprичников Ивана Грозного».³⁷ «Непартийный», автор анонимного письма на имя Гаршина, секретаря Пермского окружкома ВКП(б), отмечал: «На самом деле, какая разница: правят нами 200 тысяч дворян или столько же “коммунистов”... Теперь всякий скажет: пусть правят первые. В этом убедишься, когда поговоришь с мужиком “по душам”, а его 80 %».³⁸

К концу первого десятилетия советской власти осознание невозможности изменить политический режим и разочарование в результатах преобразований привели к распространению среди части городского населения настроений социальной апатии. Типичной в этом отношении являлась ситуация в Перми, когда президиум городского Совета огласил анонимку, суть которой сводилась к фразе: «Рабочий класс много терпит от советской власти, скоро ли коммунисты сломают себе голову». При этом большинство участников собрания остались безразличными, несмотря на ряд выступлений ответственных партийных и профсоюзных работников. Так же молчаливо собрание приняло и предложение ответить на подобные выступления «усилением ударного темпа работы».³⁹

Одной из основных причин складывания подобной ситуации стало распространение и укоренение конформистских моделей поведения из-за страха репрессий. Типичными были ситуации, в которых эта установка отчетливо проявлялась: «все не смели рта раскрыть, и мало находилось смельчаков, которые могли открыто высказаться».⁴⁰ С. В. Яров, изучавший феномены конформизма и большевизации сознания в раннесоветском обществе, правомерно связывал их с индоктринацией повседневной жизни и быта, с включенностью людей в массовые ритуальные формы политической поддержки большевистской власти, с тотальной политизацией отношений с внешним миром, со своеобразным языковым «рабством»

³¹ Там же. Оп. 5. Д. 67. Л. 3.

³² НТГИА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 811. Л. 392.

³³ В 1927 г. в ряде районов страны, в связи с трудностями хлебозаготовок, впервые было введено пайковое снабжение. Рабочие получали по 300, 400 или 500 гр. хлеба в день, при этом нормы постоянно снижались (см.: Velikanova O. V. Popular perceptions of Soviet politics in the 1920s: disenchantment of the dreamers. New York, 2013. P. 15. Сезонные рабочие уральских заводов, пришедшие из деревень, не пользовались рабочим хлебным снабжением, а остальная рабочая масса страдала от недостаточности хлебного пайка: См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 70. Л. 107, 166–120.

³⁴ Там же. Л. 158.

³⁵ ГАПК. Ф. Р-122. Оп. 3. Д. 4. Л. 75.

³⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 241. Л. 18.

³⁷ НТГИА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 811. Л. 390.

³⁸ ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 14. Л. 18.

³⁹ ГАПК. Ф. Р-122. Оп. 3. Д. 8, 32.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 62. Д. 74. Л. 80.

(подчиненность большевизированному политическому языку) и взаимозависимостью политической дискриминации и понижения социального статуса.⁴¹ Наши материалы подтверждают формирование социально-психологических механизмов и практик конформизма, пассивного соучастия, «декоративного» демонстрирования одобрения проводимого курса частью населения внутренне с ним несогласного. В частности, жители Уральского региона в большинстве случаев оставались пассивными в отношении личного участия в работе местных органов власти. Делегируя властные полномочия «вновь избранным», горожане и жители заводских поселков устранились от прямого участия в управлении местными делами. Это, в частности, отражено в городском фольклоре:

Коллективцы, ваша власть,
Что хотите делайте.

Правда при этом добавлялось:

Скоро власть перевернется,
По кустам не бегайте.⁴²

Этот феномен особенно четко проявлялся на втором этапе кампании по организации выборов в Советы, характерной особенностью которого был типичный «поведенческий диалог» власти и населения: органы партийной и советской власти «созывали», а народ не желал идти. Рабкоры местных печатных изданий часто акцентировали внимание читателей на массовых случаях срыва собраний. Тагильчанин Радионов в традиционной рабкорской манере описывал типичный для Нижнего Тагила случай: «В клубе “Металлист” на собрании к назначенному времени, 12 часам, был “полный кворум”: докладчик от Горсовета, я и сторож клуба. Через час подошло еще 3–4 человека, которые, не дождавшись собрания, были вынуждены уйти, ругая организаторов».⁴³

Срывы мероприятий, в ироничной форме воспринимаемые их «виртуальными» участниками, нашли отражение в городском фольклоре:

На собрании отчетном
Пустота была и тьма.
И ругалась громко в черта
Сторожиха у окна.
В первый раз прошло собрание
Без дебатов, без страстей.

Даже не было скаканья
На скамейке у дверей.
Не кричали,
Не ревели,
И, конечно, оттого,
Что доклад узришь... в портфеле,
На собранье ж... никого.⁴⁴

Подобное отношение было обусловлено постепенным формированием в сознании городского населения Урала представления о «декоративности» Советов, что объяснялось рядом обстоятельств, прежде всего трансформацией самой советской управленческой политики. Как отмечалось в записке информационного отдела ЦК ВКП(б) «О работе городских Советов депутатов», «низовые партийные организации в практической работе подменяли собой Советы, выполняя их функции».⁴⁵ Жители также понимали и реально оценивали постепенный переход управленческих рычагов в руки ВКП(б). Так, планировщик Мотовилихинского механического завода Галкин, выражая мнение рабочих цеха, повторял: «На какой черт нас, беспартийных, приглашают на перевыборы Горсоветов, когда коммунисты, кого захотят, того и проводят, а если и попадут беспартийные, то совершенно никакой роли не играют. А всецело ими руководят и диктуют коммунисты. А главное, во всем Горсовете диктует Комитет Партии. Посмотрите, есть ли где-нибудь хотя один беспартийный председатель Исполкома — нет ни одного и кругом и всюду изпод дудки».⁴⁶ Счетовод Змеев отмечал, что «в СССР не широкая демократия, а назначение».⁴⁷

Распространение представления о «декоративности» Советов существенно снижало избирательную активность населения, которая по-разному определялась в статистических и аналитических источниках. Формальная активность, проявляемая в ходе избирательных кампаний, не всегда означала подлинную лояльность, так как нарушение правил политической игры грозило репрессиями, потерей прав и привилегий, что отчетливо осознавалось несогласным с режимом населением. При этом в открытых протестных акциях в разнообразных контекстах всегда проявлялась внутренняя оппозиционность, что подтверждают документы рубежа 1920-х и 1930-х гг.

⁴¹ См.: Яров С. В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999. С. 15–22; Он же. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. СПб., 2006.

⁴² НТГИА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 811. Л. 93.

⁴³ Не состоялось // Рабочий. 1928. 21 марта. № 68. (660).

⁴⁴ Зверев С. Уважительные причины // Рабочий. 1928. № 67 (659).

⁴⁵ ЦДООСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1146. Л. 258.

⁴⁶ ГАПК. Ф. Р-122. Оп. 3. Д. 4. Л. 79.

⁴⁷ Там же.

Выводы

Таким образом, можно констатировать, что в условиях резкого изменения курса правительственной политики на рубеже 1920-х и 1930-х гг. часть городского населения предпринимала попытку сопротивления, выражала протест против перехода к методам насильственных, форсированных преобразований. Формы протеста включали как легальные обращения в органы власти, так и нелегальные акции, прежде всего распространение листовок, анонимных писем, частушек, слухов, «антисоветские разговоры», производство кустарным способом антисоветской литературы. Внутренний протест выражался также в пассивном политическом поведении граждан во время избирательных кампаний, собраний, митингов и других официальных мероприятий. Практики протеста были результатом истолкования официального курса и его оценки, причем они реализовались, несмотря на угрозу репрессий, и были формой воздействия на общество и власть. С другой стороны, власть, фиксируя и анализируя подобные проявления, вырабатывала свои рецепты «работы с массами», более эффективные методы «управления настроениями».

Протестные настроения и акции демонстрируют широкий спектр мотивов недовольства политикой ВКП(б), включающих представле-

ния о предательстве революционных идеалов, «дела Ленина», о господстве несправедливости и утверждении новой эксплуатации. Лейтмотивом стало представление о коммунистах как о новой господствующей элите, бесконтрольной в своих действиях и пользующейся неоправданными привилегиями. При этом мишенью для критики становились, как правило, местные руководители, в то время как высшая власть сохраняла в массовом сознании ореол непогрешимости, что было проявлением традиционной российской политической культуры. В дискурсе протеста звучит явное разочарование результатами и методами преобразований советской власти, которые прежде всего касались положения простого народа, актуализированное в условиях резкого обострения социально-экономической ситуации и социальной напряженности на рубеже 1920-х и 1930-х гг. Это, в частности, свидетельствует о существовании пределов восприятия массами властного дискурса, о сохранении в раннесоветском обществе «плюрализма мнений», о сравнительно низкой эффективности механизмов тотального социального инжиниринга, действовавших в 1917–1920-е гг. Несмотря на маргинальность активного протеста, его наличие и многообразие форм проявлений свидетельствуют о внутренней противоречивости и напряженности социально-политических процессов развития раннесоветского общества.

Olga S. Porshneva

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: porshneva@yandex.ru

Irina V. Darenskaia

Candidate of Historical Sciences, Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute (Branch), Russian State Vocational and Pedagogical University (Russia, Nizhny Tagil)

E-mail: ivilinych@mail.ru

PROTEST ACTIONS AND MOODS OF THE URAL'S URBAN POPULATION IN THE "GREAT BREAK" PERIOD (1928–1932)

The paper is devoted to the analysis of the protest moods and behavior of the urban population in the Ural region during the "Great Break" period of 1928–1932. The authors consider this phenomenon as a special form of interaction between government and society in the conditions of remarkable and harsh changes of the governmental policy on the turn of 1930s. The historiography situation creates a necessity for re-examination of the problem on the base of regional archival data which can help historians to clarify several estimations of early soviet government's capacity for control of public & individual moods and behavior. The main sources for the research are represented by analytical records created by the special agencies and structures of political control: OGPU (UGPA), Informational Departments of the District's and Regional's All-Union Communist Party's (Bolsheviks) Comities, RKI (Workers' and Peasants' Inspection), records and reports of the public organizations, periodicals, personal documents of different types which have great relevance for the issue. The authors show different forms and representations of the town dwellers' protest moods and behavior in the Urals. They included both legal addressing to the central and local administration and illegal opposition actions

such as leaflets, anonymous letters, rhymes, rumors distribution, “anti-soviet” conversations, producing of self-made “anti-soviet” literature, etc. The motives of discontent with Bolsheviks’ policy which had been expressed in protest actions of the Ural region’s urban population were analyzed in the paper. They contained notions about a government course as a betrayal of Revolution’s and Lenin’s ideals, deteriorating living conditions for the common people, new exploitation and inequality, unjustified privileges of the local authorities, especially communists. Protest actions and notions expressed a deep disappointment among the several segments of the Urals’s population in the results and methods of Soviet policy in the situation of social tension escalation on the turn of 1930s. The authors concluded that it was a manifestation of the relatively low effectiveness of mechanisms of social engineering, control and manipulating over public “way of thinking” in 1917–1932s. Despite the marginal character of the active forms of political protest this phenomenon can be estimated as an evidence of acute internal contradictions and tensions within the early Soviet society in the process of its social, economical and political transformation during the crucial period of the “Great Break”.

Keywords: *Early Soviet Society, “Great Break”, Ural region, urban population, protest actions, protest moods*

REFERENCES

- Arnautov N. B., Krasilnikov S. A., Kuznetsov I. S., Minenkov D. D., Pystina L. I., Soskovets L. I., Teplyakov A. G., Trotsenko N. D., Ushakova S. N., Sher O. V. *Sotsialnaya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh–1930-e gg.)* [Social mobilization in Stalinist society (late 1920s–1930s)]. Novosibirsk: NGU Publ., 2013, 419 p. (in Russ.).
- Fitzpatric Sh., Ludtke A. [Energizing the Everyday: On the Breaking and Making of Social Bonds in Nazism and Stalinism]. M. Geyer, Sh. Fitzpatric. *Beyond Totalitarianism. Stalinism and Nazism Compared*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, pp. 266–301. (in English).
- Fitzpatrick Sh. *Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth Century Russia*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2005, 332 p. (in English).
- Khlevnyuk O. [Stalin is in power. Priorities and results of the dictatorship policy]. *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [History of Stalinism: the results and problems of study. Materials of the Int. Sci. Conf.]. Moscow: ROSSPEN; Fond “Prezidentskiy tsentr B. N. Yeltsina” Publ., 2011, pp. 62–74. (in Russ.).
- Krasilnikov S. A. [Stalin’s model of social mobilization in contemporary historical literature]. *Sotsialnaya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.)* [Social mobilization in Stalinist society (late 1920s–1930s)]. Novosibirsk: NGU Publ., 2013, pp. 34–40. (in Russ.).
- Livshin A. *Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoy Rossii 1917–1932 gg.* [Moods and political emotions in Soviet Russia 1917–1932]. Moscow: ROSSPEN; Fond “Prezidentskiy tsentr B. N. Yeltsina” Publ., 2010, 344 p. (in Russ.).
- Livshin A., Orlov I. *Vlast i obshchestvo: dialog v pismakh* [Power and Society: dialogue in letters]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2002, 208 p. (in Russ.).
- Osokina E. A. [On social immunity, or a critical look at the concept of passive (everyday) resistance]. *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [History of Stalinism: the results and problems of study. Materials of the Int. Sci. Conf.]. Moscow: ROSSPEN; Fond “Prezidentskiy tsentr B. N. Yeltsina” Publ., 2011, pp. 387–406. (in Russ.).
- [Soviet past: the search for understanding. Round table]. *Otechestvennaya istoriya* [National history], 2000, no. 5, pp. 85–104. (in Russ.).
- Pavlova I. V. [The mechanism of political power in the USSR in the 1920s–1930s]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 1998, no. 11–12, pp. 49–66. (in Russ.).
- Shabalin V. V. *Peyzazh posle bitvy: iz istorii levoy oppozitsii na Urale* [Landscape after the battle: from the history of the leftist opposition in the Urals]. Perm: PGU Publ., 2003, 170 p. (in Russ.).
- Siegelbaum L., Sokolov A. *Stalinism as a Way of Life*. New Haven; London: Yale University Press, 2000, 460 p. (in English).
- Velikanova O. V. *Popular perceptions of Soviet politics in the 1920s: disenchantment of the dreamers*. New-York: Palgrave Macmillan, 2013, 252 p. (in English).
- Yarov S. V. *Konformizm v Sovetskoy Rossii: Petrograd 1917–1920-kh gg.* [Conformism in Soviet Russia: Petrograd 1917–1920]. Saint Petersburg: Evropeyskiy dom Publ., 2006, 570 p. (in Russ.).
- Yarov S. V. *Proletariy kak politik. Politicheskaya psikhologiya rabochikh Petrograda v 1917–1923 gg.* [Proletarian as a politician. The political psychology of the workers of Petrograd in 1917–1923]. Saint Petersburg: II RAN; “Dmitriy Bulanin” Publ., 1999, 224 p. (in Russ.).